

«БИЗНЕС БЕЗ ЭНЕРГИИ ЖИТЬ НЕ МОЖЕТ»

НЕФТЕГАЗОВАЯ ОТРАСЛЬ — ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ, ОНА СТИМУЛИРУЕТ РАЗВИТИЕ СМЕЖНЫХ ОТРАСЛЕЙ И УКРЕПЛЕНИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА И ЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ ПОПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА. В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НА СОСТОЯНИЕ ОТРАСЛИ СЕРЬЕЗНО ПОВЛИЯЛИ ЗАПАДНЫЕ САНКЦИИ. О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ, С КАКИМИ ПРОБЛЕМАМИ ОН СТОЛКНУЛСЯ И КАК ИДУТ ПРОЦЕССЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ, РАССКАЗАЛ ПРЕЗИДЕНТ СОЮЗА НЕФТЕГАЗОПРОМЫШЛЕННИКОВ РОССИИ ГЕННАДИЙ ШМАЛЬ. БЕСЕДОВАЛА АНАСТАСИЯ РЕУТОВА

Review: Как вы оцениваете текущее состояние нефтегазовой отрасли?

Геннадий Шмаль: Мы живем под санкциями с 2014 года, но тогда были точечные запреты, сейчас они приняли более глобальный характер. Хотя российский нефтегазовый комплекс работает устойчиво и выполняет те задачи, которые перед ним стоят, текущая ситуация сложная и ненормальная.

Европейские лидеры ведут себя без уважения к собственному народу. Это нонсенс, чтобы в XXI веке жители могли пользоваться электроэнергией только несколько часов в день. Имея такие энергетические возможности, мы не используем их из-за политических заморочек.

В то же время бизнес без энергии жить не может. Часть построенных в Европейском союзе (ЕС) заводов ориентированы на определенный сорт нефти — российский. Чтобы вместо нее использовать что-то другое, нужно сменить оборудование и технологии, а это большие финансовые и временные затраты. Поэтому Европа за раз не может отказаться от российской нефти, и приходится компаниям, занимающимся продажами, смешивать нашу нефть с другой.

Впрочем, рано или поздно найдутся трезвые головы и умные представители, особенно в деловых кругах, которые примут правильные решения и выправят ситуацию.

Р.: Куда будут сбываться те объемы нефти и газа, которые ранее поставлялись в ЕС?

Г.Ш.: Над этим вопросом надо было думать давно, чтобы не только в Европу поставлять нашу нефть и газ. Сейчас главным ориентиром является Восток, но нам надо искать новые рынки сбыта.

Для этого можно посмотреть на статистику потребления газа и нефти в год на человека. Так, в США этот показатель составляет 5,4 т на человека, в Европе — порядка 3,5 т, в России — 3,5–3,7 т, а в Африке — 0,4 т, что в 13,5 раза меньше, чем в США. В Африке большое число людей, которые не знают, что такое электроэнергия. Нам давно следовало бы задуматься над тем, чтобы часть ресурсов направлять в Африку.

Р.: Какова ситуация с импортозамещением в нефтегазовой отрасли?

Г.Ш.: Мне больше импонирует слово «импортонезависимость». Именно такими должны быть наши компании. На данный момент еще около половины нефтегазового комплекса имеет импортное оборудование, комплектующие и технологии. Вопросы запасных частей и локализации производств еще актуальны.

Впрочем, крупные нефтегазовые компании серьезно занялись вопросом импортонезависимости. Так, 90% закупок «Транснефть» осуществляет у отечественных компаний. «Газпром» использует модернизированные двигатели от истребителей Су-27 для перекачки газа. Производством газотурбинных приводов занимается Уфимское моторостроительное производственное объединение (ОДК-УМПО, входит в «Ростех»).

Р.: Как уход с российского рынка иностранных нефтесервисных компаний отразился на процессах цифровизации в отрасли?

Г.Ш.: Иностранные нефтесервисные компании (Schlumberger, Halliburton и другие) занимали порядка 25% рынка. Однако в части интеллектуального сервиса, цифровых технологий и программного обеспечения доля зарубежных предприятий составляла 80–85%. Сейчас российским предприятиям приходится больше работать, чтобы создать свои технологии, переключиться на отечественные программные решения. У нас есть потенциал к решению данных проблем, поэтому процесс замены может занять от трех до пяти лет.

Но нужно помнить, что цифра сама землю пахать не будет, скважины бурить не будет. С ее помощью можно сделать процесс добычи и переработки ресурсов более оптимизированным, но во главе угла должен стоять человеческий интеллект.

Р.: С какими еще проблемами сталкивается современный нефтегазовый сектор?

Г.Ш.: Перечень большой. В первую очередь можно отметить, что никто всерьез не занимается запасами. В советское время только на западе Тюменской области бурили более 3 млн разведывательных скважин, а в стране в целом около 7 млн. Поэтому запасы были, открывали месторождения. За последние 30 лет ни разу не было сделано более миллиона разведывательных скважин. В результате большие

задачи стоят по организации добычи трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ) нефти и газа. А там другие технологии и оборудование, другие экономические категории.

Законодательство в части нефтегазового сектора тоже не проработано до конца. В мире нефть добывают 102 страны. В 100 из них есть законы о добыче нефти. Россия же входит в число тех двух, которые данного закона не имеют. Это при том, что наша страна в тройке лидеров по добыче. Нечетко регулирует российское законодательство и деятельность малых нефтяных компаний. Отчасти это влияет на то, что в России малые компании добывают порядка 2% нефти, а в США, где законодательство лучше проработано, около 50%.

Еще одна проблема — налоги. Наши нефтегазовые компании вынуждены платить 65–70% от своей выручки. Подобного нет нигде в мире. Даже в Норвегии предприятия нефтяной отрасли платят 70% от чистой прибыли, а не от выручки. У нас был налог на воспроизводство минерально-сырьевой базы, за счет которого делали разведку. Позднее, по инициативе некоторых компаний, данный налог был ликвидирован. В результате сегодня мы мало тратим средств на разведку запасов, в том числе в новых районах. А ведь уже не первый год идет речь о раз-

работке арктического шельфа. Правда, до него дойдут руки через 30–40 лет, потому что мы не имеем соответствующей нормативно-правовой базы, а также необходимых технологий и оборудования, которые тоже входят в перечень проблем нефтегазовой отрасли.

Все эти вопросы требуют иных подходов со стороны российского правительства.

Р.: Как же нужно выстраивать политику ведения дел в нефтегазе, чтобы ликвидировать проблемы и стимулировать развитие отрасли?

Г.Ш.: Проблема нефти и газа нужно серьезно заниматься, комплексно. Но, к сожалению, никакой политики в отношении нефтегазового комплекса у нас сейчас нет. Та стратегия, которая была утверждена в прошлом году, совершенно не отвечает сегодняшним реалиям. Впрочем, нынешняя ситуация — отчасти результат недальновидности людей в нашем правительстве, которые отвечают за перспективное развитие ТЭК.

Было бы правильно возобновить практику подготовки госплана — документа, который бы учитывал варианты развития событий. У Китая, США, Японии есть подобные госпланы в части добычи и переработки нефти и газа, а мы, имея колоссальный опыт планирования, ничего подобного сегодня не имеем. ■